

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080015951-3

**«ОН БЫЛ ДРУГОМ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА»:
ОБРАЗ И РОЛЬ ЛИ ХУН-ЧЖАНА КАК ПОДПИСАНТА
СИМОНОСЕКСКОГО И МОСКОВСКОГО ДОГОВОРОВ 1895–1896 гг.
(РОССИЙСКАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ)**

© 2022

В.Ц. ГОЛОВАЧЁВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4529-8459; vgolovachev@ivran.ru

Резюме: Одним из главных героев событий и подписантом обоих договоров с китайской стороны был знаменитый сановник Ли Хун-чжан. Но если уделом Ли в 1895 г. в Симоносеках было «скрепить своей подписью постыдный для его отечества мир», то визит в 1896 г. в Россию стал миссией почётной. Ли выполнил её блестяще, подписав с Россией союзный договор об обороне, включавший соглашение о постройке КВЖД. В отличие от Симоносекского договора (акта капитуляции Китая), характер Московского договора 1896 г. и действия Ли при его подписании вызывают самые противоречивые оценки и дискуссии, что делает актуальным изучение «русского взгляда» на суть, характер и значение этих договоров, а также на образ и роль Ли Хун-чжана. Российские эксперты по-разному оценивают Московский договор. Одни считают его неравноправным, другие – равноправным, поскольку он не давал России никаких особых привилегий и не ущемлял суверенитет Китая. В его статьях нет «унизительных» для Китая положений или формулировок. По форме и содержанию это было равноправное соглашение двух государств, готовых «поддерживать друг друга», если произойдёт «всякое нападение Японии, как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи». Постройка КВЖД тоже была взаимовыгодным проектом. Оценивая значение Московского договора следует различать «букву», «дух» и практику исполнения этого документа. Ли неизменно добивался соблюдения условий российско-китайского союза. После удаления из Пекина в августе 1898 г. он утратил возможность влиять на судьбу соглашений, а к моменту возвращения Ли Хун-чжана в Пекин в августе 1900 г. договор был уже дискредитирован противоречивыми действиями обеих сторон. Однако обе цели Московского договора (постройка КВЖД и защита Китая от второго нападения Японии) были всё же реализованы.

Ключевые слова: Витте, КВЖД, Китай, Ли Хун-чжан, Лобанов-Ростовский, Маньчжурия, Московский договор, Россия, Симоносеки, Цин.

Для цитирования: Головачев В.Ц. «Он был другом нашего отечества»: образ и роль Ли Хун-Чжана как подписанта Симоносекского и Московского договоров 1895–1896 гг. (российская перцепция). *Восток (Oriens)*. 2022. № 5. С. 97–109. DOI: 10.31857/S086919080015951-3

“HE WAS A FRIEND OF OUR FATHERLAND”: THE PERSONAL IMAGE AND ROLE OF LI HONG-ZHANG AS A SIGNATORY OF THE SHIMONOSEKI AND MOSCOW TREATIES OF 1895–1896 (RUSSIAN PERCEPTION)

© 2022

Valentin Ts. GOLOVACHEV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4529-8459; vgolovachev@ivran.ru

Abstract: *The Qing Empire dignitary Li Hong-zhang was one of the main protagonists of the events and the official signatory of both treaties on behalf of China. While Li's mission in 1895 in Shimonoseki was “to seal with his signature the peace, shameful for his Fatherland”, his visit to Russia in 1896 became an honorable mission. Li managed it brilliantly, signing an allied Defense Treaty with Russia, including agreement on construction of the Chinese Eastern Railway (CER). Considering the 125 years long discussions, we present the “Russian perception” on the essence, nature and significance of these agreements, along with personal image and role of Li. Russian experts have different assessments of the 1896 “Moscow Treaty”. Some experts believe that equal treaty is impossible between unequal parties. Others say it was not unequal, as it did not give Russia any special privileges or infringe on China's sovereignty. It contained no statements “humiliating” China. It was equal agreement of two states, ready to “support each other” if “any attack by Japan occurs, both on Russian territory in East Asia, and on territory of China or Korea”. The CER's construction was mutually beneficial too. Li initially sought for fulfillment of the Russian-Chinese alliance. Being removed to Guangdong in August 1898 Li couldn't control the situation, and after his return to Beijing in August 1900, the Treaty was already discredited by the controversial actions of both parties. However, both goals of the “Moscow Treaty” (construction of the CER and protecting China from the repeated Japanese intrusion) were eventually realized.*

Keywords: Witte, CER, China, Li Hong-zhang, Lobanov-Rostovsky, Manchuria, Moscow Treaty, Qing, Russia, Shimonoseki.

For citation: Golovachev V.Ts. “He Was a Friend of Our Fatherland”: the Personal Image and Role of Li Hong-Zhang as a Signatory of the Shimonoseki and Moscow Treaties of 1895–1896 (Russian Perception). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 5. Pp. 97–109. DOI: 10.31857/S086919080015951-3

Упомянутые в заглавии исторические события случились в разных концах света с разрывом ровно в один год. Одним из главных героев событий и официальным подписантом обоих договоров с китайской стороны был знаменитый цинский сановник, наместник провинции Чжили, «Великий Канцлер», «Вице-Король» или «Бисмарк Дальнего Востока» Ли Хун-чжан 李鴻章 (1825–1901). К моменту своего прибытия в Петербург 18/30.04.1896, для участия в коронации Николая II, престарелый Ли был настоящей мировой знаменитостью. Российская публика и дипломаты пристально следили за ходом японо-китайской «войны Цзя-У» 甲午戰爭 (1894–1895), драматичными переговорами и заключением Симоносекского договора о мире 馬關條約, подписанного 17.04.1895 Ли Хун-чжаном как самым опытным в снятии политических кризисов и внешнеполитических делах фаворитом Вдовствующей императрицы Цыси. По условиям договора Китай отказывался от суверенитета над Кореей, платил контрибуцию в 200 млн лян (600 млн руб.) и передавал «навечно» под власть Японии о. Формозу (Тайвань) и о-ва Пэнху. Японцы хотели также аннексировать юг Маньчжурии (п-в Ляодун и район от порта Инкоу до г. Аньдун), но

были вынуждены снять это требование после «демарша трёх держав» (Германии, России и Франции), заявленного 23.04.1895¹.

События, связанные с японо-китайской войной и подписанием Симоносекского договора, глубоко изученные в мировой и российской науке ([Головачёв, 2008] и др.), нашли подробнейшее отражение в дипломатической переписке, хранящейся в Архиве внешней политики Российской Империи (*АВПРИ*: Китайский стол, Японский стол). В текстах сотен донесений нередко встречается и имя Ли Хун-чжана, которому русские дипломаты давали преимущественно самые высокие, лестные оценки. Например, в депеше российского посланника в Китае А.П. Кассини из Пекина от 28.03.1895, адресованной министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому, Кассини сообщал²:

«Насколько можно судить со слов министров Цзунли ямыня, Китайское правительство не сделало Японии никаких контрпредложений. Невольно бросается в глаза явное желание этого странного правительства взвалить на Вице-Короля Ли Хун-чжана всю ответственность за возможный исход происходящих в Симоносеки переговоров. Хорошо видя подставленную ему ловушку и понимая, как опасно в нее попасться, Вице-Король напротив всеми силами старается заставить Цзунли ямынь взять хоть часть ответственности на себя; Министры же упорно уклоняются, заявляя, что раз Ли Хун-чжан взялся вести переговоры, его дело довести таковые до конца. ...Как я уже имел честь упомянуть в одном из моих предыдущих донесений, Ли Хун-чжан, зная, какой страшный удар будет нанесен его положению и популярности, если ему придется скрепить своей подписью постыдный для его отечества мир, предпочел бы в глубине души, если разумеется Япония не уменьшит значительно своих требований, прервать нынешние переговоры и возобновить их уже в Пекине, занятом к тому времени японскими войсками, где он найдет поддержку многочисленной тогда партии лиц, убежденных в безусловной необходимости немедленного заключения мира» [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 113, л. 106–107].

В донесении от 14.04.1895 Кассини информирует своего министра: «С лихорадочным нетерпением ждут в Пекине окончательного результата происходящих в Симоносеки мирных переговоров, которым скоро наступает срок для окончания» [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 113, л. 108].

Наконец, в Депеше из Пекина от 6/18.04.1895, посланной через сутки после подписания договора в Симоносеки (5/17 апреля), Кассини пишет Лобанову-Ростовскому: «Лишь только договор был подписан, Ли Хун-чжан и его свита тотчас перебрались на пароход и в тот же день выступили обратно в Китай. Состояние здоровья Вице-Короля еще далеко не поправилось, и рана заставляет сильно страдать его. Тем не менее я полагаю, что Ли Хун-чжан, который вообще выказывал в настоящем случае замечательное мужество и силу воли, тотчас отправится в Пекин, дабы словесно представить Богдыхану отчет о результатах его миссии» [*АВПРИ*, ф. 143, оп. 491, д. 113, л. 112].

В этой депеше упомянут инцидент 24 марта, когда возвращавшийся с переговоров Ли был ранен выстрелом японского экстремиста в левую щеку. Пуля прошла под глаз, рана оказалась не тяжёлой, но мучительной для 72-летнего сановника. Опасаясь гнева мировой общественности и отъезда Ли из-за ранения в Китай, что могло застопорить переговоры, японцы принесли извинения и объявили 30 марта «безусловное перемирие» на 21 день.

¹ За отказ от аннексии Ляодуна Япония получила от Китая дополнительно 30 млн ляннов контрибуции.

² В приводимых цитатах сохранена оригинальная орфография. Документы публикуются впервые.

Но Ли Хун-чжан остался, продолжил и завершил переговоры, поэтому слова Кассини про его «замечательное мужество и силу воли» были абсолютно верными.

Если уделом канцлера в Симоносеках было «скрепить своей подписью постыдный для его отечества мир», то предпринятый через год визит в Россию на коронацию Николая II стал, напротив, миссией почётной и торжественной. Подробности этого визита детально описаны прямыми участниками и свидетелями событий (например, С.Ю. Витте и членами свиты Ли Хун-чжана) [Archibald, 1903, p. 257–258], а также комментаторами (например, Лян Ци-чао) и исследователями [Романов, 1928, с. 105–115; Ефимов, 1958(2), с. 181–187; Волохова, 1981; Королев, 2002, с. 63–66] и др.

Как верно указывает И.В. Лукоянов, поездка в Россию и Европу имела для Ли Хун-чжана колоссальное значение, так как после подписания Симоносекского мира он попал в немилость и лишился должности генерал-губернатора. Лишь успех посольства давал опальному сановнику шанс вернуться к власти. В противном случае его политическая жизнь действительно завершилась бы (вторая неудача подряд) [Лукоянов, 2008, с. 213]. К счастью для себя, свою новую миссию Ли Хун-чжан выполнил блестяще, подписав 22.05/03.06.1896 с Россией союзный договор, статья № 4 которого предусматривала соглашение о строительстве КВЖД, а именно: «сооружение железнодорожной линии через китайские Амурскую и Гириинскую провинции, в направлении на Владивосток» и «соединение этой железной дороги с русской железной дорогой» [Союзный договор, 1952].

Появление великого сановника империи Цин при дворе русского императора стало событием беспрецедентным и вызвало мировую сенсацию. В русском обществе Ли Хун-чжан изначально пользовался широкими симпатиями и уважением (именно поэтому российская сторона добилась его назначения послом на коронацию³), которые ещё больше окрепли после визита в Россию. Граф С.Ю. Витте видел в визите Ли Хун-чжана знак особого внимания со стороны правителей Цин и считал его участие в коронации знаком благодарности Китая молодому императору за оказанную годом ранее поддержку со стороны России. Высокую оценку личности и личной роли китайского гостя С.Ю. Витте передал в известном пассаже из своих мемуаров:

«Мне, в моей государственной деятельности, приходилось видеть массу государственных деятелей. Имена некоторых из них вечно останутся в истории, и в числе их Ли-Хун-Чаня ставлю на высокий пьедестал: это был, действительно, выдающийся государственный деятель, но, конечно, это был китаец с отсутствием всякого европейского образования, но с громадным китайским образованием, а главное, с выдающимся здравым умом и здравым смыслом... в сущности Ли-Хун-Чан и управлял Китайской Империей» [Витте, 1960, с. 42, 46].

В отличие от Витте и прочих российских поклонников Ли Хун-чжана, знаменитый китайский общественный деятель тех лет Лян Ци-чао был одним из его наиболее резких критиков и полагал, что *вся* дипломатическая деятельность Ли была неудачной, а подписанный им союзный договор с Россией – неравноправным и невыгодным для Китая. По мнению Ляна, это была «наибольшая ошибка, которую Ли Хун-чжан в своей жизни сделал во вред отечеству» [Лян Ци-чао, 1905, с. 193, 204]. Однако выводы самого Лян Ци-чао, не видевшего текста секретного документа и сочинившего книгу о Ли Хун-чжане в годы своей эмигрантской жизни в Японии, против которой и был направлен договор 1896 г., также во многом противоречивы и пристрастны. В корне неверным оказался, например, следующий категоричный прогноз Ляна: «Один факт проложения русской железной дороги

³ Пекин планировал, что на коронации будет китайский дипломат Ван Чжи-чунь. Это вызвало возражения А.П. Кассини, указывавшего, что статус Ван Чжи-чуна недостаточно высок для представления Китая на коронации, что для этого нужен государственный деятель, подобный Ли Хун-чжану [Ефимов, 1958(2), с. 181].

по нашей территории означает собой окончательную потерю для нас той местности, откуда дано счастье основателю нынешней династии» [Лян Ци-чао, 1905, с. 203–204].

Как показала история, данное негативное пророчество так и не сбылось. Куда более адекватными в дальней перспективе оказались выводы Чжан Чжи-туна (современника, соотечественника и переводчика книги Лян Ци-чао на русский язык), помещённые в предисловии к русскому изданию 1905 г.:

«С постройкой Великой Сибирской дороги и Маньчжурской ветви все изменилось: Россия приблизилась к нам более чем вдвое, сравнительно с другими западными державами. ...Россия приблизила нас к Европе и связала нас в единое целое железною связью. Великая Сибирская железная дорога должна явиться залогом мирного общения народов на Великом океане» [Лян Ци-чао, Предисловие переводчиков, 1905, с. XII, XIV].

В отличие от Лян Ци-чао, автор этого умозаключения малоизвестен в России и Китае. Лишь через несколько десятков лет после издания перевода книги Лян Ци-чао китайские учёные установили личность переводчика – им оказался юрист и публицист Чжан Цин-тун, который приехал в Россию в 1889 г., окончил университет в Петербурге, а в 1905 г. даже вступил в переписку с Л.Н. Толстым, подарив русскому писателю свой перевод [Шифман, 1971, с. 69–73].

В предисловии к переводу Чжан, опираясь на глубокое личное знание жизненных реалий России и Китая, весьма точно подмечает, что при рассмотрении «Маньчжурской конвенции» 1896 г. Лян Ци-чао изменяет своим широким подходам и «не принимает во внимание многих фактов, от которых зависит освещение данного вопроса». Затем Чжан весьма дальновидно предрекает: «Придет время, когда и мы добрым словом помянем Ли Хунчжана» [Лян Ци-чао, Предисловие переводчиков, 1905, с. VII, XV].

Учитывая подобные, тянущиеся больше 125 лет дискуссии, как раз и уместно вновь напомнить о «русском взгляде» на личность и роль Ли Хун-чжана в контексте заключения Симоносекского и Московского договоров. Как показывают уже процитированные русскоязычные источники, личные качества и «образ действий» Ли Хун-чжана при подписании Симоносекского мира оцениваются российскими современниками и исследователями в целом позитивно. При этом их мнения в отношении его роли как главного переговорщика с Россией, а также сути, характера и значения Московского договора 1896 г., варьируются, как и полярные мнения двух вышеуказанных просвещенных китайцев, в диапазоне от негативных до позитивных.

В частности, в 1896 г. против Ли выступили и некоторые пребывавшие в Китае россияне. Пока посольство находилось в пути, военный агент в Китае полковник К.И. Вогак доказывал в специально составленной для Николая II записке, что Ли Хун-чжану нельзя верить. Но царь не дал хода этим инсинуациям, оставив на записке Вогака холодную резолюцию: «Со многими взглядами, высказанными в этой записке, не согласен» [Лукоянов, 2008, с. 213–214, 96; *РГВИА*, ф. 846. оп. 1. д. 141. л. 2–8, 1896].

В изданных в 1958 г. статье о Московском договоре и монографии «Внешняя политика Китая 1894–1899» ленинградский китаевед Г.В. Ефимов утверждал, что, хотя Китай был в целом заинтересован в союзе с Россией, политический союз с Китаем и железная дорога обернулись игрой относительно сильной царской России со слабым Китаем. В этой игре, при любом раскладе, в проигрыше оказывалось слабое государство [Ефимов, 1958(1); Ефимов, 1958(2), с. 177–178]. Оценивая переговоры и договор 1896 г. в целом негативно, Г.В. Ефимов признавал, что принятая правителями Цин тактика казалась им единственно целесообразной. Китай стремился найти поддержку традиционно дружественной России. Но цинские дипломаты не уловили коренные изменения – переход северного соседа к агрессивной империалистической политике на Дальнем Востоке. В итоге, вопреки наде-

ждам на улучшение своего международного положения с помощью царской России, Китаю пришлось удовлетворить все требования не только России, но также Англии, Японии и других стран [Ефимов, 1958(2), с. 185, 196].

В действительности цинские дипломаты и политики прекрасно видели и понимали указанные перемены, но не были способны переломить ход событий. Тезис «царская Россия получила от Китая всё» не отменяет тот факт, что и Китай в итоге обрёл за счёт «этого акта» немало, а именно: КВЖД и «обуздание Японии». Наконец, едва ли корректно выставить заключение союзного договора с Россией (тут Г.В. Ефимов неожиданно сближался с мнением Лян Ци-чао) источником и первопричиной уступок Китая в отношении всех дальнейших требований других государств.

В отличие от Г.В. Ефимова, ленинградский историк Б.А. Романов – автор двух раннесоветских (1924, 1928), наиболее солидных штудий по теме политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв., оценивал характер и значение Московского договора более нейтрально, вне двухмерных оценок в духе «сильный-слабый», «выигрыш-проигрыш» или «равноправный-неравноправный». По его мнению, соглашение стало плодом целого месяца «обоюдной настойчивой борьбы и уступок», то есть взаимовыгодной сделкой: «Для китайского правительства в данной политической обстановке [договор] был и выгодным и эффективным исходом из состояния глубокого унижения, созданного маньчжурской династией японской войной» [Романов, 1928, с. 114, 110–111]. При этом железная дорога была важна как необходимое орудие и основа оборонного союза России и Китая против Японии.

В 1991 г., через 90 лет со дня смерти и 95 лет после визита китайского сановника, китаевед и «харбинец» Г.В. Мелихов написал статью, в которой системно обобщил воспроизводимые ниже главные доводы в пользу позитивной оценки московского договора и роли Ли Хун-чжана.

Как известно, идею проложить часть Великой Сибирской железной дороги через Маньчжурию выдвинул С.Ю. Витте, писавший в своих мемуарах: «У меня родилась мысль вести железную дорогу далее напрямик во Владивосток, перерезывая Монголию и часть Маньчжурии». Главной задачей Витте считал экономическое освоение Россией Дальнего Востока, для чего требовалось укрепление дружественных связей и заключение союза с Китаем. Этой цели он достиг, заключив с Китаем договор 1896 г. и «основанный на взаимно-коммерческих выгодах» контракт по КВЖД. «Сибирский путь являлся действительно транзитным, мировым путем, соединяющим Японию и весь Дальний Восток с Россией и с Европой. Весь вопрос заключался в том, чтобы достигнуть этой цели путем миролюбивым, основанным на взаимнокоммерческих выгодах», – писал Витте [Витте, 1960, с. 42].

Осенью 1895 г. правительство России попросило Пекин допустить в Китай русских инженеров для обследования трассы будущей железной дороги через Маньчжурию. Такое разрешение было сразу выдано властями Цин, заинтересованными в скорейшем заселении и экономическом освоении Маньчжурии. Появление железной дороги обеспечило бы широкий выход местной сельхозпродукции на внешний рынок (прежде всего на русский Дальний Восток) и рост выгодной для Китая торговли с Россией. Ли Хун-чжан и другие члены правительства Китая высказались в том духе, что смычка Сибирской железной дороги с китайскими дорогами стала бы весьма выгодной для обеих великих соседних стран. Для России транзит через Маньчжурию сокращал путь на 514 верст и позволял решить ряд актуальных экономических, военных и политических задач [Мелихов, 1992, с. 315–316].

Появление КВЖД было крайне значимо для российско-китайских отношений и для каждой из сторон. Всесторонне анализируя «фактор постройки КВЖД» в отношениях России и Китая, Г.В. Мелихов перечисляет основные экономические выгоды России, которые были изначально таковы: сокращение и спрямление ж-д линии, установление сплошно-

го рельсового пути между европейской частью России и Дальним Востоком; снижение расходов, в т. ч. за счет дешевых стройматериалов и избытка рабочих рук в Маньчжурии; ускорение самокупаемости концессии за счет местных грузов и пассажиров, повышение общей доходности Сибирской ж-д; расширение торговли за счет русских товаров, снижение хронического дефицита торгового баланса между Россией и Китаем и новые возможности для проникновения русского капитала в Маньчжурию; развитие переселенческого дела, сельского хозяйства и промышленности на Дальнем Востоке и в Маньчжурии; избежание конкуренции с водными перевозками по Амуру (КВЖД была проложена более чем на 600 км южнее); улучшение снабжения русского Приамурья и Приморья зерновыми из Маньчжурии; связь с Владивостоком двумя путями: железнодорожным и железнодорожно-водным через Амур, а потом (после постройки в 1915 г. Амурской ж-д) и двумя железнодорожными путями.

Не все экономические идеи, отмечает Мелихов, оправдались, не все цели были достигнуты. Но не менее важны были политические и стратегические цели: усилить в кратчайшие сроки безопасность в Сибири и на Дальнем Востоке за счёт смыкания транссибирской магистрали (Россия спешила, но всё же запоздала с КВЖД к началу русско-японской войны); эффективнее противостоять в регионе соперничеству западных держав (особенно Англии) и Японии; найти для России выход к незамерзающим портам на Дальнем Востоке на китайской или корейской территории; взять в свои руки прокладку железных дорог в Северном Китае.

Вместе с тем проект КВЖД имел ряд минусов в плане национальных интересов России, на которые изначально указывали его противники: дорога шла через территорию другого государства, где были возможны неконтролируемые политические риски и осложнения; российские инвестиции вкладывались в чужой стране, а не в экономическое освоение русского Дальнего Востока.

Несмотря на острые разногласия в правительственных кругах России, победила и была высочайше одобрена точка зрения Витте. 6 и 18 апреля 1896 г. А.П. Кассини дважды поставил перед Пекином вопрос о возможности провести железную дорогу через Маньчжурию. Вопрос этот обсуждали и цинское правительство, и местная пресса (прежде всего, официальная газета «Синьвэнь бао»). Реакция на предложение России была в целом совершенно благожелательной. Желание России строить железную дорогу через Маньчжурию не было никаким секретом для китайской общественности. Как свидетельствуют оригинальные цинские документы, интерес китайской стороны к этому проекту был очень сильным. С ним напрямую связывалось быстрое заселение и хозяйственное освоение Маньчжурии, а также планы защиты от растущих притязаний Японии. По мнению цинских властей, железная дорога могла помочь экономическому оживлению отсталой северо-восточной окраины, на что у Китая ещё долгие годы не было своих реальных возможностей (китайская казна была опустошена и обременена иностранными займами из-за выплат огромной контрибуции Японии по Симоносекскому договору – ВГ) [Мелихов, 1992, с. 316–317].

Очень скоро выяснилось и то, что правительство Китая намерено решать вопрос о постройке КВЖД только в свете решения своей главной проблемы – заключения оборонительного союза с Россией против Японии. Но для решения этого вопроса ранга и полномочий Кассини было уже недостаточно, поэтому переговоры перешли на более высокий межправительственный уровень. Возможность продолжить переговоры возникла с приходом Ли Хун-чжана на коронацию Николая II. В связи с этой миссией Ли Хун-чжану был особо пожалован указ императора Гуансюя, гласивший: «Надеемся, что ты проникнешься Нашими помыслами и укрепишь дружественные отношения между [нашими] странами, осторожно и со всем вниманием осуществишь [данное] дело» [Мелихов, 1992, с. 317–318].

Тем самым, заключает Г.В. Мелихов, в вопросе о КВЖД Пекин тоже преследовал вполне определённые политические и экономические цели, в ряде случаев объективно совпадавшие с целями русской стороны. Дорога могла быть построена и была построена в интересах обоих соседних народов – русского и китайского. Стороны имели реальные стимулы для продолжения переговоров, и эти переговоры успешно продолжились в Москве.

С самого их начала было зафиксировано положение, что *строительство КВЖД не должно стать предлогом для какого-либо захвата китайской территории или попирания суверенных прав китайского императора* (данное положение зафиксировано в договоре 1896 г.)⁴. Из этого явствует, что Ли Хун-чжан не считал допуск русских в Маньчжурию для прокладки железной дороги угрозой территориальной целостности Китая.

Особым аспектом личного имиджа Ли Хун-чжана стал деликатный и противоречивый вопрос о «взятке Ли Хун-чжану» со счёта в 3 млн рублей, которые Николай II выделил в распоряжение министра финансов С.Ю. Витте «на расходы, какие бы ни потребовались производить в интересах дела». В Петербурге, конечно, хорошо знали, что вопрос о постройке дороги было невозможно решить без подкупа – так действовали все иностранцы в Пекине. Сам Витте отрицал версию о подкупе Ли Хун-чжана, хотя по другим, теперь хорошо известным свидетельствам, часть денег была вручена последнему⁵.

В любом случае, Ли не мог заключить с Россией тайный договор о постройке КВЖД в пределах Китая и подписать его без ведома правительства Цин. В условиях китайской деспотии, отмечает Г.В. Мелихов, это стоило бы ему головы. Напротив, все его действия были тесно согласованы с цинским двором. Ещё до приезда в Москву вопрос о тайном договоре с Россией по поводу союза и постройки русской железной дороги через Маньчжурию около года находился в центре внимания цинского правительства, Государственного совета и Вдовствующей императрицы Цыси. По нему были приняты решения и выданы санкции на подписание: 18.05.1896 Ли запросил из Москвы полномочия на подписание договора и получил таковые. 22.05/03.06.1896 текст договора был подписан и затем очень быстро ратифицирован Пекином. По возвращении из Европы Ли Хун-чжан был назначен членом Цзунли ямыня (Центрального правительства), что было знаком одобрения его деятельности за рубежом. Дальнейшие исторические события также подтвердили, что Ли действовал в интересах Китая, не противопоставляя свои личные интересы государственным, а его дипломатия была дипломатией цинского двора.

Императорский указ о согласованном с Ли Хун-чжаном контракте на строительство КВЖД был издан 16/28.08.1896, а сам контракт подписан китайским посланником в Петербурге и Берлине Сюй Цзин-чэном 27.08/08.09.1896, ещё до возвращения Ли Хун-чжана в Пекин из зарубежного вояжа. Обмен ратифицированными грамотами состоялся в Пекине 20.09.1896.

Суммируя вышеуказанные обстоятельства Г.В. Мелихов заключает, что китайское правительство до конца выполнило контракт на постройку КВЖД. Союзный договор 1896 г. тоже выполнил своё предназначение, предохранив Китай от повторного нападения Японии в период своего действия. Этот русско-китайский договор не был неравноправным по

⁴ Статья 4: «Соединение этой железной дороги с русской железной дорогой не может служить предлогом к какому-либо захвату китайской территории или покушению на верховные права е. в. императора китайского» [Союзный договор, 1952, с. 293].

⁵ По имеющимся данным, Ли Хун-чжану всё же вручили часть денег (1 млн руб.), к которым, несомненно, была «прикосновенна» и сама Цыси. Подобные «поощрения» являлись в ту пору самой обычной практикой цинских мандаринов, имевших малое жалованье, но традиционно «кормившихся» с вверенных им областей. Как сообщали русские дипломаты, годовое жалованье Ли составляло мизерные 90 лян серебра (130 кредитных руб.) [АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 114, ч. 1, л. 177–180; Романов, 1928, с. 115–119, 122–123, 246–247, 265; Ефимов, 1958(2), с. 195; Мелихов, 1992, с. 318–319; Королев, 2002, с. 66–68].

своему характеру. Он не устанавливал никаких особых привилегий для царской России и не ущемлял суверенные права Китая. Но уже в первые дни советской власти Договор 1896 г. был объявлен аннулированным в числе прочих тайных договоров царского правительства со странами Востока⁶.

Подобно Г.В. Мелихову, на двойственные последствия (плюсы и минусы) подписания Московского договора для обеих сторон указывают и другие российские исследователи (В.С. Мясников, А.А. Волохова, А.Е. Королев и др.). При этом все они согласны с тем, что этот договор не был неравноправным, учитывал интересы обеих сторон, хотя и был очень скоро нарушен обеими сторонами, сначала российской (в ущерб интересам Китая), а потом и китайской (в ущерб интересам России) [Мясников, 2014, с. 298–299; Волохова, 1981, с. 125; Королев, 2002, с. 89–91].

Если Г.В. Ефимов и А.Е. Королев полагают, что занятие Россией портов в Ляодуне превратило Московский договор в пустую бумажку, то Г.В. Мелихов в целом солидарен с мнением Б.А. Романова, который писал про соглашения 1896 г., что «в основном оба они выдержали испытание», несмотря на «захват» Порт-Артура и Даляня путём подписания 15/27.03.1898 русско-китайского соглашения о сдаче этих портов в аренду России на 25 лет:

«Что же касается ... русско-китайских актов 1896 г., то нельзя же отрицать, что в основном оба они выдержали испытание, якобы поставленное им «захватом» 1898 г.: 1) контракт на постройку ж. д. был выполнен китайским правительством до конца, и дорога была выстроена, хотя бы Китай и не сумел обеспечить вполне ее безопасность как от нападения хунхузов, так и от разрушения ее боксерами, и 2) союзный договор, ... средактированный только против одной Японии, действительно предохранил Китай от повторного нападения Японии и настойчиво проводился русским правительством относительно Кореи, пока, наконец, корейский вопрос не был решен Японией военными средствами и Россия силою вынуждена была, после войны 1904–1905 гг., отступить от охраны хотя бы и призрачной независимости Кореи» [Романов, 1928, с. 131].

При оценке «образа действий Ли Хунчжана» (по выражению его российских визави) и значения Московского договора следует также различать «букву» (формальное содержание), «дух» и практику исполнения этого документа.

Что касается «буквы» и «духа» договора, то ни одна из шести его статей не содержит положений или формулировок, которые можно назвать «унизительными» для Китая. Впервые полный текст тайного договора был официально опубликован в переводе на русский язык лишь в 1924 г. в СССР (в 1910 г. сын Ли Хун-чжана опубликовал в Англии франкоязычный текст договора без преамбулы и заключения). [Романов, 1924, с. 101; 1928, с. 111–113] До этого времени все радикальные и прочие критики, включая Лян Ци-чао, имели дело не с оригиналом, а с недостоверными «реконструкциями» вроде 12-статейной «Конвенции Кассини», отличной от реального содержания договора 1896 г. Можно согласиться с мнением большинства российских исследователей (кроме Г.В. Ефимова), что по своему общему «духу» и содержанию Московский договор был вполне равноправным соглашением двух государств, выражавших готовность «поддерживать друг друга», если произойдёт «всякое нападение Японии, как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи» (статья 1). Наконец, заявленное в ст. 4 строительство КВЖД, по справедливому выражению С.Ю. Витте, было предприятием, основанным на «взаимно коммерческих выгодах», и, если спроецировать его на реалии XXI в., соответство-

⁶ Согласно Статье 6, Союзный договор был подписан на 15 лет. Поскольку обе стороны воздержались от продления, формально он утратил силу уже в 1911 г., а фактически был нарушен уже через несколько лет после подписания. [Союзный договор, 1952, с. 294; Мелихов, 1992, с. 319].

вало обычным базовым требованиям (включая гарантии локальной военной безопасности) любых крупных международных инвестиционных проектов.

Что касается практики исполнения договора, то, как известно, за содействие успешному завершению сделки 15/27.03.1898 по «захвату» Порт-Артура и Даляня Ли Хун-чжан получил от российской стороны 500 тыс. лян⁷, что стало новым поводом для обвинений сановника в продаже интересов Китая. Но, с «комиссией» или без неё, Ли Хун-чжан в любом случае был бессилен предотвратить эту сделку. При этом он использовал торг для затягивания времени и дипломатического маневрирования, а также настойчиво просил у Петербурга письменное заявление о временном пребывании русской эскадры в портах Китая, согласно договору 1896 г. Быть может, сравнительно малый срок аренды этих портов на 25 лет, против 99 лет для Англии (Гонконг), Германии (Шаньдун) и Франции (Юньнань), был очередной значительной, но достигнутой негласно и потому упускаемой всеми из виду тактической победой Ли Хун-чжана!

Каковы бы ни были его личные мотивы, Ли Хун-чжан упорно добивался от России соблюдения условий Московского договора, пытался не допускать его нарушений, избирал всевозможные компромиссы и шёл на уступки лишь под напором неодолимых обстоятельств. После отстранения реформаторами от государственных дел в августе 1898 г. Ли был удалён в Гуандун и, как писал Витте, «при теперешних обстоятельствах не может иметь никаких влиятельных сношений с двором», а к моменту его возвращения в Пекин в августе 1900 г., после подавления восстания ихэтуаней, Московский договор был уже дискредитирован противоречивыми деяниями обеих сторон. В связи с этим в телеграмме от 25 сентября 1900 г. С.Ю. Витте сообщил Э.Э. Ухтомскому следующее умозаключение: «Ли совершенно неправильно претендует на меня, что я не исполнил своих обещаний, так как совершившиеся события нарушили все обещания самого Ли Хунчжана и нанесли нам громадные убытки» (цит. по: [Романов, 1928, с. 265–269, 246–252]).

Полный конец действию антияпонского оборонительного союза положили русско-японская война, Портсмутский мирный договор 1905 г. и последующие русско-японские соглашения 1907 и 1910 г.

В известных «мемуарах Ли Хун-чжана», считающихся подделкой, но не лишенных связи с реальностью, имеется такая характерная запись: «Я мог бы сказать им, что интересы моей собственной страны – превыше всех прочих соображений, и если я проявляю в каком-либо деле благосклонность к России, то делаю так, поскольку верю, что Китай выиграет больше всего» [Li-Hung Chang, 1913. p. 142]. Независимо от достоверности происхождения мемуаров, данная сентенция очень верно отражает личную и государственную позицию Ли Хун-чжана, его вклад в развитие отношений между Китаем и Россией. А соответствие этой сентенции имиджу сановника в глазах российских и европейских современников однозначно подтверждает некролог в русскоязычной газете «Новый край» (издавалась в Порт-Артуре), появившийся в номере от 28.10/10.XI.1901, через три дня после смерти «Вице-Короля»: «Иностранная и особенно английская печать очень часто называла Ли Хунчжана другом и союзником России, но Ли Хунчжан был прежде всего китаефилом и патриотом своей родины. И он был только в той мере русофилом, насколько это было полезно и необходимо для интересов народа, которому он служил полвека» (цит. по: [Хохлов, 1996, с. 128]).

В декабрьском номере за 1901 г. петербургский журнал «Вестник иностранной литературы» опубликовал заметку «Смерть китайского Бисмарка», в которой помещены следую-

⁷ Переписка Министерства ин. дел с финансовыми агентами в Пекине Покотиловым и Павловым в январе – сентябре 1898 г. о подкупе китайских сановников с целью склонить китайское правительство к заключению займа в России, а не в Англии [Переписка..., 1922, с. 292].

щие, не менее значимые прощальные слова: «25.10.1901 г. умер в Пекине Ли-Хун-Чанг. В Европе его считали китайцем, а в Китае – европейцем. Знал дипломатическое искусство, был знаком с нуждами своего отечества, хорошо изучил западный мир, умение лавировать между Сциллами и Харибдами европейской дипломатии. ...Он был другом нашего отечества, сознавал, что связаны Россия и Китай не только общностью границы, но и тождеством интересов на Азиатском Востоке» [*Вестник*, с. 309–310]⁸.

Слова этих двух коротких некрологов, появившихся в столице и на дальневосточной периферии тогдашнего пространства русского мира, предельно достоверно и ёмко передают обобщённый «русский взгляд» на образ и роль Ли Хун-чжана как выдающегося посредника в русско-китайских отношениях, великого государственного деятеля, патриота и представителя интересов Китая.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [*AFPRI* – *Archive of Foreign Policy of the Russian Empire*].

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив [*RSMHA* – *Russian State Military Historical Archive*].

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ / ARCHIVAL DOCUMENTS

АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 113, Л. 101, 106–107. Деша Кассини А.Б. Лобанову-Ростовскому. Пекин. 28.03.1895 [Cassini's Dispatch to A.B. Lobanov-Rostovsky. Beijing. 28.03.1895. *AFPRI*. Fund 143, Chinese Desk, Inv. 491, Case 113, Pp. 101, 106–107 (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 113. Л. 108. Деша Кассини А.Б. Лобанову-Ростовскому. Пекин. 14.04.1895 [Cassini's Dispatch to A.B. Lobanov-Rostovsky. Beijing. 14.04.1895. *AFPRI*. Fund 143, Chinese Desk, Inv. 491, Case 113, P. 108 (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 113. Л. 111–112. Деша Кассини А.Б. Лобанову-Ростовскому. Пекин. 18.04.1895 [Cassini's Dispatch to A.B. Lobanov-Rostovsky. Beijing. 18.04.1895. *AFPRI*. Fund 143, Chinese Desk, Inv. 491, Case 113, Pp. 111–112 (in Russian)].

АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 114. Ч. 1. Л. 177–180. Павлов – Шишкину. 26.10/07.11.1896 [Pavlov – to Shishkin. 26.10/07.11.1896. *AFPRI*. Fund 143, Chinese Desk, Inv. 491, Case 114, Pp. 177–180 (in Russian)].

РГВИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 141. Л. 2–8. Записка К.И. Вогака о посольстве Ли Хунчжана в Россию. Апрель 1896 г. [*K.I. Vogak's note on Li Hongzhang's Embassy to Russia*. April 1896. *RSMHA*. Fund 846, Inv. 1, Case 141, Pp. 2–8 (in Russian)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Витте С.Ю. *Воспоминания*, в 2-х томах. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. Гл. 2 [Witte S.Yu. *Memoirs*. In 2 Vols. Moscow: Sotsekgiz, 1960. Vol. 2. Ch. 2 (in Russian)].

Волохова А.А. К истории русско-китайского договора 1896 года. *Проблемы Дальнего Востока*. 1981. № 5. С. 123–130 [Volkhova A.A. On the History of the Russian-Chinese 1898 Treaty. *Problems of the Far East*. 1981. No. 5. Pp. 123–130 (in Russian)].

Головачёв В.Ц. Симоносекский договор и борьба Китая против уступки Тайваня (1894–1895). *Восток (Oriens)*. 2008. № 5. С. 20–30 [Golovachev V.Ts. The Shimonoseki Treaty and China's Struggle against the Cession of Taiwan (1894–1895). *Vostok (Oriens)*. 2008. No. 5. Pp. 20–30 (in Russian)].

⁸ Сведения об этой заметке любезно предоставлены Ю.Г. Благодар.

Ефимов Г.В. К истории русско-китайского договора 1896 г. *Советское китаеведение*. 1958(1). № 2. С. 23–38 [Efimov G.V. On the History of the 1896 Russian–China Treaty. *Sovietskoye Kitayevdeniye* (= *Soviet Synology*). 1958(1). No. 2. Pp. 23–38 (in Russian)].

Ефимов Г.В. *Внешняя политика Китая 1894–1899*. М.: Госполитиздат, 1958(2) [Efimov G.V. *China's Foreign Policy in 1894–1899*. Moscow: Gospolitizdat, 1958(2) (in Russian)].

Королев А.Е. Московский договор 1896 г.: тайные страницы русско-китайских отношений. *Метаморфозы истории. Альманах* (Псковский гос. унив.). Вып. 2. 2002. С. 55–93 [Korolev A.E. The 1896 Moscow Treaty: Secret Pages of Russian–Chinese Relations. *Metamorphoses of History. Almanac* (Pskov State University). Issue 2. 2002. Pp. 55–93 (in Russian)] <https://arch.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/pmetami02.html> (accessed: 22.02.2022).

Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008 [Lukoynov I.V. “Not To Lag Behind the Powers...” *Russia in the Far East in the Late 19th – Early 20th Centuries*. St.-Petersburg: Nestor-History, 2008 (in Russian)].

Лян Цичао. *Ли Хунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет*. Пер. с кит. А.Н. Вознесенского и Чжанчинтуна; с предисл. Чжанчинтуна. СПб.: В. Березовский, 1905 [Liang Qichao. *Li Hongzhang or the Political History of China Over the Past 40 Years*. Translation from Chinese A.N. Voznesenskiy, Zhang Qingtong; Foreword Zhang Qingtong. St. Petersburg, V. Berezovskiy Publ., 1905 (in Russian)]. <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003728283#?page=254> (accessed: 22.01.2022).

Мелихов Г.В. Харбин: история возникновения. Рубеж. *Тихоокеанский альманах*. 1992. № 1(863). С. 311–326 [Melikhov G.V. Harbin's Origin History. *Rubezh. Pacific Almanac*. 1992. No. 1(863). Pp. 311–326 (in Russian)].

Мясников В.С. *Договорными статьями утвердили. Россия и Китай: 400 лет межгосударственных отношений. Кастильский ключ китаеведа*: соч. в 7 т. М.: Наука, 2014. Т. 3 [Myasnikov V. S. Confirmed by the Treaty Articles. *Russia and China: 400 Years of the Interstate Relations. The Castilian Key of the Sinologist*: Op. in 7 vols. Moscow: Nauka, 2014. Vol. 3 (in Russian)].

Переписка Министерства ин. дел с финансовыми агентами в Пекине Покотиловым и Павловым в январе – сентябре 1898 г. о подкупе китайских сановников с целью склонить китайское правительство к заключению займа в России, а не в Англии (АВПРИ). *Красный архив*. 1922. № 2. С. 287–293 [Correspondence of MOFA with Financial Agents in Beijing Pokotilov and Pavlov in January – September 1898 on Bribery of Chinese Dignitaries in Order to Persuade Chinese Government to make a loan in Russia, not England (AFPRI). *Red Archive*. 1922. No. 2. Pp. 287–293 (in Russian)].

Романов Б.А. «Лихунчангский фонд» (из истории русской империалистической политики на Дальнем Востоке). *Борьба классов*. 1924. № 1–2. С. 77–126 [Romanov B.A. The “Lihunchang Fund” (from the History of Russian Imperialist Policy in the Far East). *Class Struggle*. 1924. No. 1–2. Pp. 77–126 (in Russian)].

Романов Б.А. *Россия в Манчжурии (1892–1906): [очерки по истории внешней политики в эпоху империализма]*. Л.: Лен. вост. ин-т, 1928 [Romanov B.A. *Russia in Manchuria (1892–1906): [Essays on History of Foreign Policy in the Imperialism Era]*. Leningrad: Leningrad East Institute, 1928 (in Russian)]. <https://pgpb.ru/digitization/document/1982> (accessed: 22.01.2022).

Смерть китайского Бисмарка. *Вестник иностранной литературы*. 1901. № 12. С. 309–310 [The Death of the Chinese Bismarck. *Bulletin of Foreign Literature*. 1901. No. 12. Pp. 309–310 (in Russian)].

Союзный договор между Россией и Китаем. Москва, 22.05/03.06.1896. *Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917*. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. С. 292–296 [Union Treaty between Russia and China. Moscow, 22.05/03.06.1896. *Collection of Russia's Treaties with Other States. 1856–1917*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952. Pp. 292–296 (in Russian)] <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/china896.htm> (accessed: 22.01.2022).

Хохлов А.Н. Ли Хунчжан глазами россиян (к 100-летию визита государственного деятеля цинского Китая в Россию в 1896 г.). Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке.

Тезисы докладов VII между. н. к. «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 25–27.09.1996, Ч. 2. С. 123–128 [Khokhlov A.N. Li Hongzhang through the Eyes of Russians (on 100th Anniversary of the Qing China Statesman's Visit to Russia in 1896). Problems and Potential of Sustainable Development of China and Russia in the 21st Century. *Report Abstracts of the 7th Int. Sc. Conf. "China. Chinese Civilization and the World. History, Modernity, Prospects."* Moscow, 25–27.09.1996, Part 2. Pp. 123–128 (in Russian)].

Шифман А.И. *Лев Толстой и Восток*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1971 [Shifman A.I. *Lev Tolstoy and Orient*. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Nauka, 1971 (in Russian)].

Archibald Little, Mrs. *Li Hung-Chang: His Life and Times*. Cassel & Company, Limited. London, Paris, New York and Melbourne, 1903. <https://archive.org/details/cu31924023144730/page/n221/mode/2up> (accessed: 22.01.2022).

Li-Hung Chang. *Memoirs of Li-Hung Chang*. Ed. by William Francis Mannix, with an Introduction by John W. Foster. Boston & New York, 1913. <https://archive.org/details/memoirslihungch00manngoog/page/n168/mode/2up> (accessed: 22.01.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОЛОВАЧЕВ Валентин Цуньилиевич –
кандидат исторических наук, заместитель
директора Института востоковедения РАН,
Москва, Россия.

Valentin Ts. GOLOVACHEV, PhD (History),
Deputy Director of the Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.